

«Давай я покажу тебе голубей»

У меня нет привычки запоминать даты. Но некоторые невольно врезались в память. Среди них – 10 августа 1962. Мы с Женей Гропяновым сидим на берегу Авачинской бухты. Только что сдан последний вступительный экзамен на истфил в КГПИ. Я набрал 16 баллов, Женя – больше, как бы не все 20. Мы еще не приняты, но уже отмечаем – пьем портвейн. Пьем спокойно, неторопливо, я бы сказал, вдумчиво. Разговариваем мало. Однако выясняется, что оба – «аковцы», оба с улицы Вилюйской (я жил в 86 доме, а он до сих пор в 41-м), вдобавок, и он и я кончали СШ № 2 им. Л.Н. Толстого, правда, он двумя годами раньше.

В институте на лекциях сидим за одним столом. Порой слушаю их вполуха, иногда дремлю. Не то – Женя Гропянов. Конспектирует скрупулезно, в уверенности, что все пригодится. У кого-то из нас возникает идея выпускать рукописный журнал. Он вписывает туда свои прозаические опыты, я – поэтические. Других авторов нет. Выпускаем два номера. Журнал называется «Живая Мысль».

16 ноября 1963. Первая в жизни публикация. «Камчатская правда» печатает мое стихотворение «Революция» и его новеллу «Березка»: «...силы ее, казалось, иссякли, и она покорно опускала ветви при приближении ветра. А ветер, казавшийся летом ласковым и обходительным, стал злым и нахальным. И она возненавидела его».

12 февраля 1964. Решается моя судьба. Комсомольское собрание, исключив из ВЛКСМ, должно либо взять меня на поруки, либо дать добро, чтобы судили, в том числе по ст. 70 УК РСФСР (антисоветская

пропаганда и агитация). Цитирую по протоколу: «Гропянов-студент: «Я знаю Валентина хорошо и, несмотря на его ошибки, продолжаю уважать его. Поэтому прошу не отдавать его под суд».

Месяца полтора я ищу работу. Женя часто заходит ко мне домой в то время, как другие приятели по институту сторонятся меня, и то, что он «якшается» с исключенным, расценивают едва ли не как сочувствие моим взглядам, хотя он далек от политики.

16 ноября 1964. Мы с Женей – участники I конференции творческой молодежи Камчатки, представляем КГПИ; меня вот-вот восстановят, и мой товарищ рад этому. Он не по годам серьезен и мудр; я как-то по-новому смотрю на него, на седину, которую заметил еще при знакомстве.

Историческая проза, если не ошибаюсь, начинается у него с «Гостей туманной Британии» – рассказа 1965 года, где меня, как поэта, привлек такой образ: «Солнце исчезло, как золотой в копилке». Действие происходит на Камчатке в XVIII веке. «Золотой» – это царский рубль.

Случалось, нас обоих приглашали на встречи с читателями. Первая такая встреча – в «элитной» четвертой школе. 9 класс. После выступления один-единственный вопрос: «Правда ли, что Тургенев жил с Панаевой?» Спрашивает девушка. Рядом с ней ухмыляется сын начальника милиции...

Постепенно Евгений «заболевает историей» (его выражение) все больше и больше. Повесть «Атаман» доставила мне истинное удовольствие. Дошел до того, как Имиллю отрывает в снегу полуза-

мерзшего Анкудинова, остановился и думаю: «Э-э, да у Жени-то не просто дар, а талант!».

В начале 70-х возвращаемся домой по Набережной: Владимир Науменков, Евгений Гропянов, я и, кажется, Алексей Власов. (Ни у кого из нас еще нет ни одной книжки). Предзимье: промозглый ветер пробирал до костей, у стадиона «Спартак» подергиваются на металлических цокающих флагштоках куски разноцветной материи. И вдруг Евгений говорит: «А я все равно всех вас издам».

Тогда он работал редактором Камчатского отделения Дальиздата. Я знал, что он ничего не обещает попусту, но сомнения не оставляли: ну, ладно, Лешу, а за нами с Володей – такой «шлейф»... И все же Евгений Гропянов свое слово сдержал.

В ту пору я всерьез занялся прозой, к 1980 закончил повесть, но никому не показывал, и ему – тоже: пускай отлежится. Через десять лет (как раз отменили цензуру), напечатал под псевдонимом отрывки в газете и осторожно, скрывая волнение, интересуюсь у Евгения впечатлением. Он к тому времени написал еще две повести «Черный монах» и «Земля Америка», много рассказов о современниках.

К одному из этих рассказов у меня особенное отношение. Я его читал несколько раз, но отчего-то тянет опять. Хотя сюжет прост, ничего необычного, казалось бы, нет. Человек ожидает друга, с которым встречаются нечасто, и если тот приезжает, то, значит, трудно ему – надо поделиться чем-то сокровенным, может, спросить совета.

Друг приезжает. Они уединяются в доме, о чем-то беседуют. Чи-

татель так и не узнает – о чем. Потом выходят во двор. Гость хмурится, видно, ему не полегчало. «Знаешь что, – неожиданно громко сказал Конев, – давай я покажу тебе голубей». И они лезут на крышу сарайчика, на голубятню. Гости поражают сухой воздух и чистота. Он наблюдает голубей, что, не обращая внимания на людей, живут своей открытой жизнью. Гость «ощутил, что ему интересно глядеть на них, будто он открыл тайну. В теплой голубятне, где только слышно было мягкое воркование, ему стало легко и свободно, будто он оставил весь груз там, на земле...»

И друг уезжает: «бодрым шагом направился к автобусной остановке. Освежающий запах полыни сопровождал его. Березы шелестели успокоенно...»

Иногда я думаю, что к 24 октября 2002 Евгений Валерианович Гропянов создал бы намного больше произведений, будь он «на вольных хлебах» или на другой работе. Но тогда бы многое, что вышло у нас в Петропавловске за 30 с лишним лет, так бы и не увидело свет. Сам юбиляр однажды заметил по этому поводу: «Я люблю делать книги. Писать редактору труднее, ибо постоянно читаешь чужие рукописи. Приходится побеждать себя».

Есть у меня мечта – мечта давняя: чтоб повесть мою «Солнце изнутри» редактировал Е.В. Гропянов. Никому другому я бы ее не доверил.

А какие у нас были мечты 10 августа 1962 на берегу Авачинской бухты? Наверняка, не связанные с литературой. Но об этом мы не говорили...

Валентин ПУСТОВИТ.